

Научная статья
УДК101.1:316

ПОИСК ИСТИНЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ

Александр Васильевич Кучин

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

ORCID 0009-0005-8342-905X, Kuchinalexandr21@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено поиску истины и жизненной правды в пространстве современной культуры. В статье проведено сопоставления объективности истины и ее субъективного восприятия в культурном пространстве. Рассмотрена связь между культурным забвением и сохранением артефактов культуры в свете объективности истины. Анализируются условия информационно-технического присутствия в коммуникативном пространстве культуры с целью минимизации рисков утраты субъектности истины. Проблематизируются современные тенденции цифровизации и возможности ее применения в коммуникативном пространстве культуры. Рассмотрены риски, возникающие в развитии культуры, в процессе цифровизации коммуникационного пространства. Для чего автор обращается к субъектной стороне культуры и использует творческое наследие М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Н. Бердяева как представителей современного экзистенциализма. Феномен цифровизации рассматривается в статье как попытка предельной объективации. В связи с этим процесс цифровизации рассматривается как источник риска для дифференциации творческой активности социального субъекта, с одной стороны, и происходящей в культуре объективации, с другой. Определившись с источником риска, автор стремится установить общие признаки, характерные для интерсубъективного творчества как неотъемлемой составляющей межкультурного коммуникационного пространства. С этой целью проводится краткий сравнительный анализ философских концепций М. Хайдеггера и русских религиозных философов. В завершении статьи обосновывается, что цифровизация может вести не только к утрате субъективного восприятия истины, но и к его сохранению.

Ключевые слова: цифровизация, классическая теория истины, субъективное восприятие истины, экзистенциализм, объективация, творчество.

Original article

THE SEARCH FOR TRUTH IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF CULTURE: INFORMATION AND TECHNICAL PROBLEMATIZATION

Alexander V. Kuchin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCID 0009-0005-8342-905X, Kuchinalexandr21@gmail.com

Abstract. The research is devoted to the search for truth and vital truth in the space of modern culture. The article compares the objectivity of truth and its subjective perception in the cultural space. The connection between cultural oblivion and the preservation of cultural artifacts in the light of the objectivity of truth is considered. The conditions of information technology presence in the communicative space of culture are analyzed in order to minimize the risks of loss of subjectivity of truth. The modern trends of digitalization and the possibilities of its application in the communicative space of culture are problematized. The risks arising in the development of culture and in the process of digitalization of the communication space are considered. For this purpose, the author turns to the subjective side of culture and uses the creative heritage of M. Heidegger, J.-P. Sartre, N. Berdyaev as representatives of modern existentialism. The phenomenon of digitalization is considered in the article as an attempt at extreme objectification. In this regard, the process of digitalization is considered as a source of risk for differentiating the creative activity of a social subject, on the one hand, and the objectification taking place in culture, on the other. Having identified the source of risk, the author seeks to establish common features characteristic of intersubjective creativity as an integral component of the intercultural communication space. For this purpose, a brief comparative analysis of the philosophical concepts of M. Heidegger and Russian religious philosophers is carried out. At the end of the article, it is substantiated that digitalization can lead not only to the loss of subjective perception of truth, but also to its preservation.

Keywords: digitalization, classical theory of truth, subjective perception of truth, existentialism, objectification, creativity.

Введение. Динамика культуры по мере развития социальной практики усложняется. На современном этапе научно-технического прогресса, реализуемого в форме цифровизации, особую актуальность приобретает исследование коммуникативного пространства культуры, рассматриваемого как система осмысленной творческой деятельности людей. Учитывая, что коммуникация предназначена для взаимного понимания ее участников, необходимо подвергнуть специальному анализу проблему различного восприятия истины социальными субъектами в условиях наращивания современных технологий. Постановка проблемы обретения истины в коммуникативном процессе опирается на классическую теорию истины, традиционно называемую корреспондентской, в соответствии с которой истина трактуется как адекватное отражение познающим субъектом объективной реальности.

Культура направлена как на создание, сохранение материальных и нематериальных ценностей, созданных человеком для выражения своих идей, так и на передачу их другим людям. Создание, сохранение и передача артефактов культуры находится внутри коммуникативного пространства. Тем самым содержание культуры нуждается в объективном отражении в сознании социального субъекта, включая результаты творческой деятельности по ее созданию и особенности текущей коммуникации по освоению этих результатов. Требование объективного отражения пространства культуры удовлетворяется посредством экспериментов, логического анализа и социальной практики в целом, выступающей высшим критерием истины. Степень объективности данного отражения влияет на состояние пространства культуры и качество коммуницирования в нем. Техническое развитие систем и инструментария в функционировании культуры непосредственно влияют на ее коммуникативное пространство, тем самым усугубляя проблему истины в современную эпоху.

Обзор литературы. Раскрывая концептуально преемственную связь между классической теорией познания и современным уровнем технологией, имеет смысл обратиться к творческому наследию М. К. Мамардашвили, который, анализируя учение Гегеля, писал: «характер предмета как «тотальности», как «органического целого» определяет, по Гегелю, характер его движения в познании. Формой движения «тотальности» в познании является восхождение от абстрактного к конкретному» [Мамардашвили, 1968: 81]. Из данного утверждения философ делает вывод о том, что «нет ничего тотальнее знака». Цифра есть знак. Иными словами, цифровизация предоставляет предельную объективацию определенного содержания.

Цифровой знак предназначен предельно точно отражать истину в плане соответствия отражаемому артефакту культуры, что определяется экспертом, условно говоря культурологом. Отдельный цифровой знак включается в целостную систему цифровых технологий. Важным требованием, предъявляемым к искусственной реальности, конструируемой социальным субъектом, является то, чтобы объект любой сложности, будучи включенным в еще более сложную систему, не только был управляемым, но и сохранял области «слабой предсказуемости», способствующие увеличению эффективности системы. Цифровизация в принципе позволяет точно установить и конкретно обозначить объективность истины, а системность технологии способствует эффективному ее применению и в творческих интенциях, и в сложных, прежде всего, массовых коммуникативных пространствах. Следует отметить, что артефакт культуры, получивший техническое решение, становится культурным фактом, где цифровое «схватывание» играет роль предельной объективации такого факта, а системность технологии, выполняет и защитную функцию для объективации истины.

Однако поскольку культура, по меткому замечанию А. Бенуа, является спецификой исключительно человеческой деятельности и характеризует человека как вид, ибо нет человека до культуры [Бенуа, 2002: 17], невозможно ограничить коммуникативное пространство культуры только объективной проблематизацией. Межсубъектное коммуницирование является не менее важным ее аспектом. Вместе с тем технические решения, устанавливающие и оперирующие объективацией истины, неприменимы к конкретному человеку. Подобное познается подобным, по известной формуле Эмпедокла, поэтому понять человека может только человек. Христианство исповедует, что в очевидившийся Бог обращён к каждому человеку и Сам, будучи Истиной, способен привести каждого человека к подлинной истине, в единстве ее объективного содержания и не искаженного субъективного восприятия.

Проблема применимости технического решения в его объективно истинном содержании к отдельному человеку обостряет вопрос о субъективном восприятии истины. В философском пространстве XX века данный вопрос интересно может быть рассмотрен в концепции экзистенциализма, абсолютизирующего внутреннюю свободу человека. Сёрен Кьеркегор, заложивший в XIX веке основания экзистенциальной диалектики, утверждал, что истину о человеке можно уловить в опре-

делённых ситуациях, но при этом так и не понять его [Кьеркегор, 2010: 78]. По мнению Мартина Хайдеггера, гуссерlianское «чистое Я» является интенцией к субъективному восприятию истины. Однако, ключом к человеку становится «Ничто». В статье «Что такое метафизика» М. Хайдеггер пишет: «исследованию подлежит только сущее и более – ничто; одно сущее и кроме него – ничто; единственное сущее и сверх того – Ничто» [Хайдеггер, 2013: 27]. Указав на это «Ничто», философ отмечает способность «Ничто» говорить сущему «нет». Все сущее, «Das Man», как «другие» и объективное «Gestell» не умеют говорить «нет». Любое рассудочное принадлежит сущему, поэтому человек не постигается рассудком. Будущее, даря основание человеку, и тем самым делая человека отличным от всего сущего, имеющего основание в прошлом, обнаруживает человека как проект, заброшенный из будущего. Человека проектом из будущего видел и Ж.-П. Сартр [Сартр, 2004: 98].

Таким образом, субъективное восприятие истины, находясь внутри коммуникативного пространства культуры, через человека определяет истинность в отношении всех сфер культуры. Наиболее ярко это проявляется в отношении художественной культуры и искусства в целом, поскольку в межсубъектном коммуницировании истинность культуры противопоставляет себя «Das Man» в отсутствии объективных отличий, субъективно. «Das Man» «убегает» от субъективного восприятия истины и удаляется от культуры как таковой. Отсюда возникает необходимость сделать акцент на самой субъектности истины. В отличии от объективности истины субъективное ее восприятие отрицает собственный объективный потенциал для достижения полноты Истины. Более того, христианская философия Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, указывает, что подлинная истина, достигается только через двойное самоотрижение: себя к объективному и себя к себе, достигая вершины в приобщении к истине в форме самоотречения.

В мире как объективной, так и субъектной реальности субъективное воплощение истины материализует себя как отвечающее на вопрос: Кто, а не Что. Это не противоречит и Евангельскому пониманию Христа как Истины. Противоположностью субъективному восприятию и воплощению истины выступает самоутверждение. То, которое М. Хайдеггер называл «неаутентичным экзистированием». Субъектное бытие истины, имея особую область в коммуникативном пространстве культуры, и в первую очередь, по терминологии Хайдеггера, принадлежа сфере «Das Mitsein», «Бытия-с; со- Бытия», через людей отражается и на объектах культуры, по-другому говоря, на ее «объектных носителях».

Результаты исследования. Объективный носитель артефактов культуры, подвергаясь влиянию со стороны субъективного бытия истины, помимо выполнения собственно утилитарной функции, из простого «носителя», становится самодостаточным культурным объектом. Так, например, известны книги, чей переплет представлял даже большую художественную ценность, чем сам текст. Такое восприятие объекты культуры способны сохранять многие века, провоцируя у вступающего посредством них в культурную коммуникацию социального субъекта экзистенциальные переживания. Однако само по себе верное техническое решение не побуждает реципиента к формированию субъективного восприятия объективности истины.

Обращаясь к техническому решению в установлении и применении объективности истины, приходится пересматривать классическую теорию истины и ставить вместо вопроса: «что есть?» вопрос: «что нам нужно?». За возможность фактуализировать любой артефакт культуры мы платим «запиранием» его в настоящем. М. Хайдеггер назвал бы это бегством из Бытия в сущее. Н. А. Бердяев отнесся бы к этому как к предельной объективации. Даже если от эксперта-культуролога и программиста, которые обозначили определенный артефакт культуры и оцифровали его, потребуется самоотречение, о котором писал В. С. Соловьев, маловероятно, что исполнители, ставя вопрос «что нам нужно», поймут и оцифруют субъектность истины, хотя бы потому, что ее нельзя ни понять, ни отразить объективно. Еще менее вероятно, что при оцифровке все реплики субъективного восприятия истины будут отражены, поскольку в этом случае произойдет объективация уже объективированного.

Иными словами, эксперт-культуролог в момент, когда предельно ограничивает артефакт культуры, подлежащий техническому решению, уже объективирует, «запирает» его. В результате «запираемый» в технизиранную форму артефакт культуры лишается будущего, к которому он обращен через субъективное бытие истины, и в этом смысле он лишается жизни в культурном пространстве. Субъектность истины, испытывая риск своего сокрытия, до конца не покидает культурный артефакт, особенно если культуролог и программист стремятся к субъективному воплощению истины. Ведь артефакт культуры открыт и доступен всем людям, способным уловить через него субъективное бытие истины, и в первую очередь открыт к тем, кто направляет на него осмысленную творческую энергию. То есть на любом этапе взаимодействия людей с данным артефактом «Das Mitsein» может отражаться на нем.

В социально-коммуникативном пространстве существует критическая реакция на все эти процессы вплоть до технофобии, выражаемой, например, в желании смотреть кино на пленочных носителях вместо цифровых. Связано это с тем, что жажды в субъективном воплощении истины восполняется увеличением технических носителей артефактов культуры, малоспособных эту жажду удовлетворить. В свою очередь это порождает проблематизацию современных метаобъектов культуры, ведь цифровое пространство, как метаобъект культуры, по указанным выше причинам, трудно назвать пространством субъективного бытия истины, по сравнению с такими традиционными метаобъектами, как музей или театр. Вместе с тем все технические феномены появились внутри культуры, а культура как таковая, постоянно проникает в техническую реальность.

Отказ от цифровизации и той технологической системы, в контексте которой она осуществляется, означал бы возврат к техническим решениям в соответствии с формальной логикой и механистическим детерминизмом, который признает одностороннюю обусловленность, когда из причины А следует Б, но не наоборот. Подобная однозначная детерминация посредством отрицания случайности ограничивает познание и творческую интенцию на культурный объект. Все это затрудняет достижение объективности истины, и в информационно-технических решениях происходит отказ от возможности экзистенциального переживания, которое могут провоцировать культурные объекты, поскольку объективно происходит утрата самого артефакта культуры.

Обратно этому цифровизация при всей изложенной выше критике, максимально объективируя, «высвечивает» культурный объект, закрывая, казалось бы, каналы субъективного бытия истины, одновременно вызывает жажду в ее субъективном воплощении. Примером этого может выступать использование в процессе обучения презентация, которая провоцирует жажду субъективного воплощения истины, а педагог дает исчерпывающий ответ. Таким образом, отказ от цифрового «схватывания» артефакта культуры ведет к его утрате и снижению возможности его объективного познания, а принятие вызывает риски потери субъективного воплощения истины и как следствие забвения культуры.

Проблематизация необходимости развития информационно-технических решений применительно к коммуникативному пространству и объектам культуры, при рисках экзистенциальной угрозы культуре, создаваемых таким развитием, разрешима, но только в случае понимания техники, как области, названной М. Хайдеггером «*Gestell*», (как производное от *Stelle* - ‘ставить’), как некий «Постав». «*Gestell*» - трансцендентальная «изнанка Нечто» (у К. Митчема «трансцендентальная предпосылка» [Митчем, 1995: 129]), бросающая «Нечто» «волевой вызов», в определенном смысле втягивающее его в себя. Будучи трансцендентальной «изнанкой» «Нечто», «*Gestell*», противопоставляя себя «Ничто», полагает мир в объективации. «*Gestell*» есть потаенное, оно скрыто, как и «Ничто», но в отличии от «Ничто» потаенное не переживается, а добывается. Определенно, «*Gestell*» можно сравнить с «Четвертым царством» Ф. Дессауэра как источника техники [Дессауэр, 2017: 83- 85]. Но лишь как то, что при помощи техники волевым способом, предельно открывает сущее.

Добыча потаенного осуществляется через истину в ее хайдеггеровском понимании как раскрытие этого потаенного. Возможность достижения истины дается человеку через «Ничто», вводя его «в круг непотаенного». Уже сама непотаенность становится «потаенным для потаенного». Однако, проводить такое сопоставление, опираясь исключительно на идеи Хайдеггера, будет несколько односторонне, поскольку, по Хайдеггеру, лишь человек способен на субъективное соприкосновение с Бытием, но человек видит при этом только свое бытие. Так, понимая технику как «*Gestell*», мы все равно остаемся перед проблемой познания истины в ее субъективном воплощении. Ведь через экзистенциальное познание лишь собственного бытия человеку дается соприкосновение с бытием, которое дано человеку как «бытие к смерти». Иными словами, философия, предложенная М. Хайдеггером, дает возможность развертывания культуры, но одновременно и манифестирует ее зажат.

Уместным будет провести сопоставление философии М. Хайдеггера и Н. А. Бердяева, ставя акцент на творчестве как на неотделимом и антиэнтропийном элементе культуры. Бердяев, как и Хайдеггер, ссылается на учение Э. Гуссерля об интенции, однако рассматривает направление интенции не от сущего к Бытию, как у Хайдеггера, а наоборот. Так, философия Н. А. Бердяева, в отличии от философии М. Хайдеггера, религиозна, поэтому, Бердяев рассматривает соотношение бытия и сущего в религиозном контексте. Бог понимается Бердяевым как свободный Творец, а человек как образ и подобие Бога, который мыслится Бердяевым, также как творец. Что особенно важно, в отличие от негативной свободы Хайдеггера, где субъект автономен от сущего и говорит, в силу своей свободы, сущему «Нет», свободу Бердяева допустимо отнести к позитивной концепции свободы, «свободы во имя чего», внутри которой только и возможно свободное творчество.

Поскольку человек, по Бердяеву, это образ и подобие Бога, то Сам Господь как Первообраз осмысливается как Творец, однако даже для Бога условием Его творчества Бердяев полагает абсолютную свободу. И если Бога возможно познать, то божественная свобода заведомо непознаваема. Она и образует саму божественность. Данная концепция заимствована Бердяевым, вероятно, у Мейстера Экхарта, который ещё в XIV веке предположил, что свобода лежит в основании божественности [Экхарт, 1991: 148]. Конечно, в отличие от Мейстера Экхарта, Бердяев не впадал в церковную ересь и не утверждал, что божественная свобода есть четвертая ипостась Бога. Однако Бердяев, как и Мейстер Экхарт, убежден, что Бог ограничен свободой как Вседержитель. Бог не может быть не свободным. Поэтому, будучи абсолютно свободным, Бог есть абсолютный Творец. Все, что созвано, сотворено Богом. Само бытие, может быть только предикатом единичного творения, как и бытие, например, технического механизма.

Выводы. Истина не познается через бытие, но человек посредством собственного творчества познает собственную свободу, а уже через нее творчество Сущего. Свобода является условием существование истины. Поэтому познание истины всегда субъектно, однако абсолютную истину, которая есть «Истина Сущего», познать нельзя, можно только знать о ней, что это божественная свобода. Посредством свободы истина понимается через трансцендирование от объективного. Объективация – это всегда возникновение причинно-следственных связей, которые образуют общие категории, в которых нет свободы [Бердяев, 2021 :157- 162]. Поэтому, по Бердяеву, комично называть даже созерцание платоновских идей творчеством, ибо это всего лишь воспроизведение объективно существующего. Выход из объективации возможен, полагает Н. А. Бердяев, только путем разрушения причинно-следственных связей. Самоотречённое, жертвеннное, творческое служение Богу и ближнему выводят человека из объективации и одухотворяет саму природу. Возможность бытия истины в сфере техники, по Бердяеву, двояко, с одной стороны, приветствуется техническая творческая мысль, а с другой, технический продукт всегда объективирует инженерную мысль.

Затрагивая проблему объективации в аксиологическом поле, необходимо обратиться к философии С. Л. Франка, в учении которого раскрывается отчужденность объективного мира и анализируется реальность субъективного мира, включающего в себя и логику, и математику, и эстетику, т. е. вообще всё умозрительное и переживаемое человеком. Отчасти С. Л. Франк обращается к кантовской рефлексии субъективного и объективного [Франк, 1956: 273- 279]. При этом Франк полагает, что в ходе кантовской «редукции к априорному» человек принципиально не способен отстраниться от всего субъективного. Признавая существование априорного, Франк называет его идеальным и рассматривает как следствие «неизменяемого я», которое, лишь гносеологически проявляет себя через априорное суждение, а онтологически само охватывает пространство и время. Над «реальным я» находится Бог, Который и есть подлинная реальность. В результате грехопадения человека происходит объективация реальности. По Франку, объективированным может стать все, что принадлежит субъекту: эстетика, чувство прекрасного, этика и т.п. Именно поэтому человеку вменено в обязанность через субъективный мир привести мир объективный к субъективному и в этом смысле к подлинному существованию. Такой подход С. Л. Франк назвал «живое знание». Самоотверженное служение человека способно интегрировать объективный мир в мир субъективный благодаря самоотверженному служению Бога, создавшего реальность в ее действительности и возможности. Поэтому критерием истины становится самоотверженное служение во имя ее.

С. Л. Франк так же, как Н. А. Бердяев и В. С. Соловьев, видит грех причиной объективации. Грех, пронизывающий мир со временем грехопадения, пронизывает его смертью. Человеку смерть «вручена» как инструмент защиты от греха, а тем самым и от смерти. Посредством субъективного воплощения истины человек вкладывает в художественную культуру жизнь, а в технику вкладывается одновременно и жизнь, и смерть. На основе анализа позиции русских религиозных философов допустимо сделать вывод, что техника взывает к культуре технического творчества как антиэнтропийной защите субъективного бытия истины. Именно данный вывод делает возможным объединение позиций М. Хайдеггера и русской религиозной философии в лице В. С. Соловьёва, Н. А. Бердяева и С. Л. Франка.

Эмпирически такая культура технического творчества может быть представлена как защита культурных ценностей при помощи технических решений. Ярким примером этому служит техническое решение, направленное на сохранение иконы «Троица» Андрея Рублева. В таком контексте современные технологии служат защитой субъективного бытия истины от объективации, и не направлены на ее забвение. Цифровизация же при данном подходе не только предельно объективирует, «запирает» субъектность истины, но храня и анализируя большие массивы данных благодаря «высвечиванию» предельной объективации, способна воссоздавать полностью утраченные культурные объекты. В качестве примера можно привести декор недавно восстановленного павильона «Азербайджан» на ВДНХ. Был воссоздан фрагмент, полностью утраченного искусства шебеке

(восточный тип витража). Воссоздание произошло при помощи цифровых технологий. Однако надо помнить, что цифровизация, храня и анализируя большой массив данных, способна выдавать объективно-истинные решения, в том числе и об утраченных артефактах культуры, одновременно требуя отражения субъектности истины на всех этапах взаимодействия с этим артефактом, чтобы он «ожил» в прежнем состоянии, а не был восстановлен как простая копия, пустая реплика. Именно при этом условии культура обретает возможность многосторонней коммуникации не только в пространстве, но и во времени.

Список источников

- Бенуа, А. Н. История живописи всех времен и народов / А. Н. Бенуа. Санкт-Петербург: Нева, 2002-2004. Т.1. 544 с.
- Бердяев, Н. А. Творчество и объективация / Н. А. Бердяев. Москва: Амрита- Русь, 2021. 300 с.
- Дессауэр, Ф. Спор о технике / пер. с нем. А. Ю. Нестерова / Ф. Дессауэр. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
- Кьеркегор, С. Страх и трепет / Пер. с дат. / Сёрен Кьеркегор. Изд. 2-е, доп. и испр. Москва: Культурная революция, 2010. 488 с.
- Мамардашвили, М. Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания) / М. Мамардашвили. Москва: высшая школа, 1968. 191 с.
- Митчем, К. Что такое философия техники? / М. Митчем. Москва: Аспект-пресс, 1995. 150 с.
- Соловьев, В. Сочинения / В. Соловьев. Москва: Правда, 1989. Т. 2. 736 с.
- Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии [пер. с фр., предисл. В. И. Колядко] / Ж.-П. Сартр. Москва: Республика, 2004. 639 с.
- Франк, С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк. Париж: YMCA-PRESS. 1956. 416 с.
- Хайдеггер, М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Бибихина / М. Хайдеггер. 2-е изд. Москва: Академический Проект, 2013. 288 с.
- Экхарт, М. Духовные проповеди и рассуждения. Репринтное издание / М. Экхарт. Москва, 1912; Москва, 1991. 192 с.

References

- Benua, A. N. (2002 – 2004) *Istoriya zhivopisi vsekh vremen i narodov* [The history of painting of all times and peoples]. Saint Petersburg, Izdatel'skiy dom Neva, 1: 544.

- Berdyayev, N. A. (2021) *Tvorchestvo i ob'yektivatsiya* [Creativity and objectification]. Moscow, Amrita- Rus': 300.
- Dessauer, F. (2017) *Spor o tekhnike* [The dispute over technology] / transl. A. Yu. Nesterov. Samara: Izdatel'stvo Samarskoy gumanitarnoy akademii: 266.
- Ekkhart, M. (1991) *Dukhovnyye propovedi i rassuzhdeniya*. Reprintnoye izdaniye [Spiritual sermons and discourses: Reprint]. Moscow, 1912; Moscow: 192.
- Frank, S. L. (1956) *Real'nost' i chelovek* [Reality and man]. Paris, YMCA-PRESS: 416 .
- Khaydegger, M. (2013) *Chto takoye metafizika?* [What is metaphysics?] / Transl. V.V. Bibikhina. 2-e izd. Moscow, Akademicheskiy Proyekt: 288.
- K'yerkegor, S. (2010). *Strakh i trepet* [Fear and awe] / Transl. Izd. 2-е, dop. i ispr. Moscow Kul'turnaya revolyutsiya: 488 s.
- Mamardashvili, M. (1968) *Formy i soderzhaniye myshleniya* (K kritike gegelevskogo ucheniya o formakh poznaniya) [Forms and content of thinking (To the critique of Hegel's doctrine of the forms of cognition)]. Moscow, Vysshaya shkola:191 .
- Mitchem, K. (1995) *Chto takoye filosofiya tekhniki?* [What is the philosophy of technology?] Moscow, Aspekt-press: 150.
- Solov'yev, V. (1989) *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda, 2: 736.
- Sartr Zh.-P. (2004) *Bytiye i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: the Experience of Phenomenological Ontology] / Transl. V. I. Kolyadko]. Moscow, Respublika: 639.

© Кучин А.В., 2024

Информация об авторе:

Александр Васильевич Кучин – аспирант Московского педагогического государственного университета, ул. Малая Приговская, д. 1, Москва, Россия, 119991.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 28.03.2024; принята после рецензирования 24.04.2024; опубликована онлайн 15.05.2024.

Information about the author:

Alexander V. Kuchin – postgraduate student of Moscow Pedagogical State University, Malaya Prigovskaya St., 1, Moscow, Russia, 119991.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 28.03.2024; adopted after review 24.04.2024; published online 15.05.2024.